

УДК 316.754.4

А.Зоткин,
кандидат социологических наук

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ В ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

В статье изложена попытка теоретико-эмпирического объяснения проявления коррупции в обществах постсоветских республик. Акцентируется внимание на необходимости понимания этого социального явления с одновременным учетом влияния нескольких факторов. Среди таковых отмечены аномия или нормативный “вакуум” в условиях деинституционализации советской системы в обществах независимых государств, уменьшение объема регулятивных функций государства, снижение уровня благосостояния граждан, интересы элит.

Keywords: *corruption, the institution of state power, the post-Soviet space, social norm, the regulation of behavior.*

Ключові слова: *корупція, інститут державної влади, пострадянський простір, соціальна норма, регуляція поведінки.*

Ключевые слова: *коррупция, институт государственной власти, постсоветское пространство, социальная норма, регуляция поведения.*

Тема коррупции всегда актуальна для любых социальных образований, имеющих иерархическую структуру и включающих в себя элементы управления и делегирования полномочий, то есть фактически для любых более-менее сложных организаций. В организационном контексте под коррупцией принято понимать злоупотребление *доверенной* властью ради получения *личной* выгоды. Подчеркнем, что в этом смысле основное противоречие заключается в использовании *неличной* власти ради получения *личной* выгоды. Таким образом, организационная

трактовка коррупции в значительной мере упрощает, формализует это понятие, загоняя весь его объем и возможные вариации в довольно жесткие рамки. Во-первых, к такой формализации можно отнести схематичность разделения на личную и неличную власть (то же замечание можно отнести и к другой составляющей определения – “личная выгода”). Во-вторых, понятие коррупции преимущественно относится к системе властных и управленческих отношений в пределах организаций, относящихся к государству. В этот комплекс включаются не только организации государственного управления и контроля, но и бюджетные неприбыльные учреждения, находящиеся на содержании налогоплательщиков (больницы, учебные заведения, учреждения социальных служб и др.). Что в целом соответствует юридической трактовке коррупции¹, которая, тем не менее, не раскрывает сущностных характеристик коррупции как социального явления. Притом явления, вероятность которого нельзя исключить из деятельности любого организованного социального образования. На уровне деятельности организаций, законодательно закрепленных норм, функционировании государственного аппарата тема коррупции достаточно обговорена специалистами по теории и практике управления, юристами и политологами. Мы же хотим рассмотреть коррупцию как социальный феномен в функционировании общества с точки зрения социологии, что, на наш взгляд, позволит выйти за рамки сугубо формальных подходов. В социологии тема коррупции довольно широко представлена как в области поисков теоретических подходов к данному со-

¹ “Использование лицом... предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятие обещания / предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещание/ предложение или предоставление неправомерного преимущества лицу... или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей” [6].

циальному явлению [1; 7; 3], так и в попытках обнаружения характерных черт проявлений коррупции посредством кросс-национальных исследований [15; 14]. Исследование коррупции как социального явления представлено в работах российских [8; 11; 12] и украинских [10; 13] социологов. Данная тема также затронута в работе Н.Шульги [16]. Отдельно следует отметить попытки теоретико-эмпирического объяснения природы незаконных транзакций в Украине иностранным исследователем [9]. Несмотря на имеющийся солидный багаж работ (который, безусловно, не ограничивается основными статьями, указанными выше) по исследуемой тематике, остается ряд вопросов, ответы на которые позволят более разносторонне осмыслить феномен коррупции на постсоветском пространстве. Эмпирическим основанием для этого послужили показатели Индекса восприятия коррупции в 15 бывших советских республиках [Transparency International's Corruption Perceptions Index (CPI)].

Считаем необходимым обозначить следующий тезис относительно подхода к изучению коррупции. Если относительно институционализированных социальных систем с установленными правилами и нормами объяснение коррупции как девиантного явления допустимо, то с трактовкой коррупции в переходных, транзитных обществах намного сложнее. Относительно коррупции на постсоветском пространстве исследователи отмечают влияние на динамику ее показателей факторов экономических кризисов, воспроизводства культурных установок, сложившихся исторически, и моделей поведения из недавнего прошлого, а также отмечают компенсаторную функцию коррупции в транзитных обществах. Полагаем, что для полноценного изучения этого социального явления необходимо учитывать одновременное влияние нескольких факторов. В первую очередь необходимо обратить внимание на понимание не только масштабов и глубины, но и характера коррупционных связей для конкретного общества. То есть насколько коррупция “вмонтирована” в сис-

тему социальных отношений, какую роль играет в ней, как и насколько влияет на ее конфигурацию. Этот тезис позволяет проводить дальнейший анализ в двух основных направлениях, позволяющие выделить глубинные причины феномена коррупции в конкретном обществе: 1) экономические основания; 2) социально-культурные факторы формирования норм и соответствующих практик.

К государствам постсоветского пространства, которые в 1990-х вошли в фазу трансформации, прочно приклеился ярлык “коррупцированных стран”. Все постсоветские государства без исключения имели экономические трудности, связанные с переходом от одной системы социально-экономических отношений к другой. Имея общее советское прошлое и сходные проблемы постсоветского периода развития, социумы бывших советских республик продемонстрировали существенные отличия в масштабах распространения коррупции. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что возложение полной ответственности на советскую социальную систему, нормы которой воспроизводятся на постсоветском пространстве, поиски исходящих импульсов роста коррупции (или, наоборот, ее снижения) в новообразованных республиках только в их относительно недавнем советском прошлом не являются достаточным объяснением. Рассмотрим природу постсоветской коррупции.

Процессы распада советской системы и образования постсоветских государств шли параллельно с процессами стремительного расхождения потребностей граждан с возможностями их удовлетворения. Некоторые общества бывших республик СССР (в частности, украинское) вышли из социалистической системы, но так и не перешли в полноценный капитализм. Лозунги о сдерживании со стороны союзного центра потенциалов развития советских республик (и их граждан соответственно) оказались политическими мифами. Стремительного освобождения этих потенциалов и возрождения республик после распада единой иерархии управления, руководимой из Москвы, так

и не произошло, а граждане оказались, образно говоря, у “разбитого корыта”. Конечно же, этот шок от стремительного перехода граждан, совершенно не готовых к проявлению частной инициативы (и, что немаловажно, несению ответственности за нее) и традиционно ориентированных на гарантированную социальную поддержку от государства, не мог не сказаться на состоянии общества постсоветского пространства. Система ценностей, идеалов и норм эпохи социализма стала разрушаться, а новая система создана не была. Поскольку, во-первых, институционализация требует больших временных ресурсов. Одной замены Конституций и даже тотального пересмотра всех законодательных и нормативных актов оказалось недостаточным для утверждения новых практик социального поведения. Установление и, главное, усвоение обществом новых порядков возможно при смене не менее одного поколения. Только тогда закон становится реально выполняемой нормой, его соблюдение входит в повседневные поведенческие практики, а не является продуктом безжизненного правового формализма или, как удачно его охарактеризовал В.Горбатенко, “конституционной графомании” [5, с. 12]. Во-вторых, разрушение системы ценностей советской эпохи происходило параллельно с процессами стремительного изменения социальных структур. Во многих обществах постсоветских республик произошло ослабление контроля государства, его “уход” из ряда сфер социальных отношений и, соответственно, снижения влияния институтов государственной власти на практики социального взаимодействия на разных уровнях. Ослабление функций институтов государственной власти в генерировании и регуляции норм социального взаимодействия, а также в сферах социальной защиты и социального контроля позволили процессам социальной дифференциации пройти хаотично и в довольно краткие сроки. Такие коллизии привели и к статусному несоответствию, когда память о совсем недавнем уважаемом социальном положении в советской системе совершенно

не совпадала с нынешним состоянием экономического выживания. В таких условиях происходило отчуждение целых социальных групп, утрата ими причастности к своему обществу, переоценка ими нормативов социального взаимодействия. Росту коррупции на постсоветском пространстве способствовали процессы дезинтеграции, социальной атомизации в обществах этих республик, несформированности практик защиты своих прав, артикуляции и продвижения своих интересов, как на групповом, так и на индивидуальном уровнях.

Тем не менее, даже в условиях кризисной хаотизации социальных отношений и крушения прежних устоявшихся порядков появлялись и сменяли друг друга новые референтные группы (среди таковых можно упомянуть нуворишей, или “новых русских”, криминалитет, чиновников, бизнесменов), стимулирующие появление и закрепление новых стандартов и норм социальных отношений. Вместо общепринятых ранее (в советский период) средств достижения целей и удовлетворения потребностей членами этих социальных групп выдвигались собственные (в том числе и противоправные), более соответствующие условиям такого нормативного “вакуума” и более удобные для них. Аномия в сочетании с тотальным обеднением подавляющей части населения всех постсоветских республик привели к переходу от сложных форм социального взаимодействия к более простым, но эффективным для решения жизненных задач повседневности. Можно говорить об упрощении и даже деградации форм социальных отношений, их переходе от более сложных к более простым формам под давлением условий выживания в условиях экономических кризисов и аномии. В этом смысле справедливым для большей части постсоветского пространства является наблюдение В.Горбатенко того факта, что “форсированный либеральный транзит... вместе с элементами свободы оживил архаическую систему социальных отношений” [4, с. 137]. Полагаем, что под таким оживлением архаических систем можно понимать не только поиск наиболее простых путей решения проблем повседневной

жизни в условиях экономических трудностей посредством механизмов незаконных трансакций, не только рефлексией большинства населения, находящегося в условиях аномии, на модели поведения представителей более успешных референтных групп. В кризисных условиях для социальных образований любого масштаба открываются возможности не только революционного “прорыва”, но и регрессивных вариантов путей выхода из кризиса. К ним можно отнести возврат к исторически сложившимся и проверенным временем традициям, культурным установкам, моделям поведения. При этом такой “возврат” может не соответствовать условиям текущего периода жизни общества и поэтому быть архаичным элементом, фактором, способствующим адаптации, но тормозящим дальнейшее развитие.

В результате этих процессов коррупция стала одним из таких противоправных механизмов, который принято как результативный для достижения индивидуальных целей во многих обществах постсоветских республик. Это во многом объясняет динамику индекса восприятия коррупции (ИВК) в СССР и на постсоветском пространстве [Transparency International’s Corruption Perceptions Index (CPI)]. Если в 1980–1985 гг. в СССР ИВК составлял 5,13 балла, то в 1988–1992 гг. – уже 3,27 балла, а, по данным ИВК, замеряемого международной организацией по борьбе с коррупцией Transparency International, можно видеть падение показателей большинства стран постсоветского пространства после 1995 г. ниже 3 баллов² (табл.). Это

² Transparency International проводит исследование индекса восприятия коррупции с 1995 г. Индекс представляет собой оценку от 0 (максимальный уровень коррупции) до 10 (отсутствие коррупции). Более подробно методика исследования коррупции изложена, в частности, на сайте Центра антикоррупционных исследований и инициатив “Трансперенси Интернешнл – Р” и в статье Е.Панфиловой [8]. Мы оперируем показателями индекса восприятия коррупции (ИВК) в СССР в 1980–1985 и 1988–1992 гг., которые приведены в отчете Transparency International за 1996 г. [Transparency International’s Corruption Perceptions Index (CPI)] на основе исследований, проведенных другими организациями в указанные годы.

Таблиця
Динамика показателей индекса восприятия коррупции
(ИВК) в обществах постсоветских республик (1996–2011 гг.)

Страна	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Азербайджан	-	-	-	1,7	1,5	2,0	2,0	1,8	1,9	2,2	2,4	2,1	1,9	2,3	2,4	2,4
Армения	-	-	-	2,5	2,5	-	-	3,0	3,1	2,9	2,9	3,0	2,9	2,7	2,6	2,6
Беларусь	-	-	3,9	3,4	4,1	-	4,8	4,2	3,3	2,6	2,1	2,1	2,0	2,4	2,5	2,4
Грузия	-	-	-	2,3	-	-	2,4	1,8	2,0	2,3	2,8	3,4	3,9	4,1	3,8	4,1
Казахстан	-	-	-	2,3	3,0	2,7	2,3	2,4	2,2	2,6	2,6	2,1	2,2	2,7	2,9	2,7
Киргизстан	-	-	-	2,2	-	-	-	2,1	2,2	2,3	2,2	2,1	1,8	1,9	2,0	2,1
Латвия	-	-	2,7	3,4	3,4	3,4	3,7	3,8	4,0	4,2	4,7	4,8	4,6	4,5	4,3	4,2
Литва	-	-	-	3,8	4,1	4,8	4,8	4,7	4,6	4,8	4,8	4,8	5,0	4,9	5,0	4,8
Молдова	-	-	-	2,6	2,6	3,1	2,1	2,4	2,3	2,9	3,2	2,8	2,9	3,3	2,9	2,9
Россия	2,5	2,2	2,4	2,4	2,1	2,3	2,7	2,7	2,8	2,4	2,5	2,3	2,1	2,2	2,1	2,4
Таджикистан	-	-	-	-	-	-	-	1,8	2,0	2,1	2,2	2,1	2,0	2,0	2,1	2,3
Туркменистан	-	-	-	-	-	-	-	-	2,0	1,8	2,2	2,0	1,8	1,8	1,6	1,6
Узбекистан	-	-	-	1,8	2,4	2,7	2,9	2,4	2,3	2,2	2,1	1,7	1,8	1,7	1,6	1,6
Украина	-	-	2,8	2,6	1,5	2,1	2,4	2,3	2,2	2,6	2,8	2,7	2,5	2,2	2,4	2,3
Эстония	-	-	5,7	5,7	5,7	5,6	5,6	5,5	6,0	6,4	6,7	6,5	6,6	6,6	6,5	6,4

еще раз позволяет нам отметить недостаточность объяснения роста коррупции в большинстве постсоветских государств только апелляцией к моделям отношений, воспроизводящихся из советского прошлого в современных условиях. К такому выводу позволяет прийти и тот факт, что возрастание или, наоборот, снижение уровня коррупции не имеет общих тенденций, характерных для всего постсоветского пространства. Более того, значимые различия можно отметить даже в показателях ИВК стран, принадлежащих к одному региону и близких друг другу в культурной принадлежности.

Анализ данных динамики ИВК в постсоветских республиках, приведенных выше, позволяет выделить страны, демонстрирующие рост показателей данного индекса

(что говорит, соответственно, о снижении уровня коррупции). К таковым можно отнести государства Балтии и Грузию (в последней скачок роста ИВК отмечен с 2007 г.). Еще одну группу стран можно выделить по показателю падения уровня ИВК (что свидетельствует о росте уровня коррупции по мнению граждан) – Беларусь, Туркменистан, Узбекистан. Определенные колебания показателей ИВК можно отметить в Казахстане и Молдове. Стабильно низкий уровень показателей этого индекса во всех остальных государствах постсоветского пространства. Такая классификация стран позволяет нам вывести гипотезу о действенности еще одного фактора, влияющего на ситуацию с коррупцией в том или ином обществе – интересы и действия правящих элитных групп (отметим, что мы попытались рассмотреть шаблонный и довольно избитый тезис о заинтересованности элит в коррупционных схемах путем поиска конкретных эмпирических показателей). Безусловно, без детального анализа ситуации в каждой республике данный вывод может быть использован лишь в некотором приближении к социальной действительности. Тем не менее, практика реформирования политической и правовой сфер институтов государственной власти демонстрирует наличие организационных возможностей улучшения ситуации с коррупцией на постсоветском пространстве. И, наоборот, отсутствие интереса элит к такому реформированию способствует росту уровня коррупции в стране. Этот вывод, конечно же, не нов. Однако он позволяет пересмотреть излагаемый в работах иностранных исследователей постсоветской действительности тезис о коррупции как компенсаторном механизме несостоятельности государства и “технике выживания” граждан в таких условиях. В одних государствах, действительно, коррупция может являться своего рода результатом негативного общественного договора между государством и обществом. В чем заинтересованы в первую очередь элитные группы, для которых в условиях аномии, правовой неопределенности, агрессивного капитализма открывают-

ся широкие возможности увеличения своих капиталов. Неэлитным группам, обедневшим, психологически деморализованным и политически разрозненным, остается только роль статистов, пассивно принимающих правила игры, задаваемых элитами. При этом результаты исследований (в частности, результаты опросов общественного мнения граждан Украины) показали, что нормы, вводимые такими негласными “пактами о ненападении” между элитами и остальными группами, имеют свойство довольно быстрого закрепления в повседневных поведенческих практиках. (Более детальное рассмотрение этой проблемы предполагается в отдельной работе) В то же время можно отметить варианты стимулирования внешними факторами усиления борьбы с коррупцией в отдельных странах. В качестве примеров можно привести республики Балтии, улучшение показателей ИВК в которых отмечено с момента их принятия в состав Евросоюза в 2004 г., а также Грузию, реформирование МВД в которой было организационно и финансово поддержано США.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что для полноценного изучения проблемы коррупции в переходных обществах необходимо принимать во внимание одновременное влияние нескольких факторов. Для обществ стран постсоветского пространства таковыми являются:

- экономические кризисы, обеднение большинства населения, несоответствие ожиданий своей статусной принадлежности;
- двойная институциональная система и порожденные ее условиями аномия, социальная, культурная и политическая дезориентация граждан;
- возрождение архаичных и вместе с тем более упрощенных моделей социального поведения, сложившихся в культуре того или иного народа исторически;
- поведенческие модели референтных групп, использующие незаконные трансакции в условиях правовой неопределенности;

– интересы элитных групп, от которых может зависеть формирование той или иной конфигурации общественного договора между государством и обществом. При этом позиция и действия элит напрямую зависимы от степени социально-политической активности граждан, их готовности отстаивать свои права и интересы.

Литература

1. *Alatas S.H.* The Problem of Corruption / Alatas S.H. – Singapore: Times Books International, 1986.
2. *Transparency International's Corruption Perceptions Index (CPI)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi
3. *Волянська О.В.* Вивчення феномену корупції в соціології: основні методологічні підходи / О.В. Волянська // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. – № 891. – Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – Вип. 26. – Харків, 2010. – С. 56–60.
4. *Горбатенко В.П.* Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть / В.П. Горбатенко. – К. : Видавничий центр “Академія”, 1999. – 240 с.
5. *Горбатенко В.П.* Проблеми політичної модернізації українського суспільства / В.П. Горбатенко // Теорія і практика політичного аналізу і прогнозування : Зб. науково-експертних матеріалів / за ред. М.М.Розумного. – К. : Нац. ін.-т стратегічних досліджень, 2007. – С. 7–14.
6. *Закон України “Про запобігання і протидії корупції”* [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3206-17>
7. *Мертон Р.* Соціальна теорія і соціальна структура / Мертон Р. – М. : АСТ, АСТ Москва, Хранитель; 2006. – 880 с.
8. *Панфилова Е.* Измерение коррупции / Е.Панфилова // Следователь. Федеральное издание. – М., 2007. – № 11 (115). – С. 49–54.
9. *Полезе А.* Исследование различной природы незаконных трансакций в Украине / А.Полезе // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – №3. – С. 52–70.

10. *Привалов Ю.* Тіньова економіка і корупція в Україні: сучасний стан і проблеми боротьби з ними / Ю.Привалов, Ю.Сапелкін // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття / Кол. монографія ; за ред. М.О.Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 1999. – С. 184–214.

11. *Римский В.* Бюрократия, клиентелизм и коррупция / В.Римский // Общественные науки и современность. – 2004. – № 6. – С. 68–79.

12. *Римский В.* Коррупция во взаимоотношениях граждан и власти: социальные основы и формы проявления / В.Римский // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 8. / под ред. Г.П.Артемова. – СПб : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 63–77.

13. *Сапелкін Ю.* Корупція як фактор ризику для національної безпеки України / Ю.Сапелкін // Чорнобиль та соціум. – К. : ПЦ “Фоліант”, 2004. – Вип. 10. – С. 184–214.

14. *Сатаров Г.* Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). Аналитический доклад / Г.Сатаров, С.Пархоменко. – М., 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.indem.ru/corrupt/parhom/index.htm>

15. *Скотт Дж.* Анализ коррупции в развивающихся странах / Дж.Скотт // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. – СПб. : Алетейя, 2007. – С. 17–55.

16. *Шульга М.* Чи по-новому править нова влада? (Замість післямови) / М. Шульга // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В.Ворони, д. соц. н. М.Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. – С. 467–480.